

Author: Олег КУЗНЕЦОВ

Title: ЭХО МОСКОВСКИХ ВЗРЫВОВ 1977 ГОДА

No: Denlit, 2(1956)

Date: 11.02.2013

В истории каждой страны есть дни, которые, хотим мы признавать того или нет, открывают новую страницу её прошлого или настоящего, их ещё называют «памятными» или «знаменательными» датами. Такой датой, но только чёрной, а не красной, с полным правом может считаться 8 января 1977 года – день первого в истории московского метро террористического акта, когда начался новый период в новейшей российской истории – период международного политического терроризма сначала против СССР, а затем – против Российской Федерации. Прошедшие с того дня 36 лет, конечно же, стёрли в памяти остроту переживания тех событий, а люди, родившиеся после них, вообще ничего не могут помнить о них, но, как это часто бывает в нашей жизни, тени трагического прошлого приходят в день сегодняшний, и не все из них несут терновый венец мученичества, кое-кто имеет вполне inferнальный оскал. Вот почему сегодня мы не можем забывать тех, уже далёких событий...

Но обо всём по порядку.

Вообще-то в этот день в Москве прогремели сразу три взрыва: в 17:33 в вагоне метро на перегоне между станциями «Измайловская» и «Первомайская» взорвалась, как потом установило следствие, самодельная бомба; в 18:05 произошёл взрыв в торговом зале продуктового магазина № 15 на улице Дзержинского (ныне Большая Лубянка), неподалеку от комплекса зданий центрального аппарата КГБ СССР; в 18:10 взорвалась урна около продовольственного магазина № 5 на улице 25 Октября (ныне Никольская), рядом с аптекой № 1 – излюбленным местом сбора московских наркоманов советского времени. В результате этих терактов погибли 7 человек (все – при взрыве в метро), 37 были ранены. Жертв могло быть гораздо больше, но по счастливой случайности взрыв произошёл тогда, когда поезд шёл по поверхности, на открытом перегоне Арбатско-Покровской линии метро, ударная волна, выбив стёкла, ушла в пространство, а поэтому погибли только находящиеся в непосредственной близости от взрывного устройства люди, стоящие на площадке перед дверями. Если бы «громыхнуло» в тоннеле, то в фарш превратилась бы половина пассажиров злополучного вагона. Тем не менее, тогдашний председатель КГБ СССР Юрий Андропов назвал теракты 1977 года «преступлением века».

8 января 1977 года было весьма удачной датой для проведения в Москве масштабной террористической атаки. В этот день была суббота, первая после новогодних праздников, школьники ещё были на каникулах, и хотя Рождество тогда ещё не отмечали, в столичной подземке было много гуляющего и отдыхающего народа. Кроме того, в минувшем декабре и вплоть до празднования нового года в СССР прошли полномасштабные торжественные мероприятия, посвящённые 70-летию уже одряхлевшего генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, на которые прибыло множество иностранных гостей, как официальных лиц, так и представителей «мирового коммунистического движения». Как это всегда и бывает в дни подобных мероприятий, все спецслужбы и органы правопорядка несли службу в усиленном и даже чрезвычайном режиме, после отмены которого наступило вполне естественное в таком случае расслабление, поскольку физические и психические возможности их сотрудников небеспредельны. В Советском Союзе, отвыкшем от бомбового терроризма, никто даже и не мог представить себе, что кто-то в дни зимних школьных каникул может решиться на такое злодеяние. Взрывы, прогремевшие в Москве, вновь перевели органы госбезопасности на особый порядок несения службы.

Разумеется, расследование терактов сразу же приобрело первоочередной характер для КГБ СССР, потому что тогда, впрочем как и сегодня, подобные инциденты были событием чрезвычайным, а поэтому требующим немедленного и адекватного ответа. Из опытейших сотрудников Генеральной прокуратуры, МВД и КГБ СССР была сформирована объединённая оперативно-следственная группа, наделённая самими широкими полномочиями, которую возглавил генерал-майор Вадим Удилов. Правда, опрос «по горячим следам» нескольких сотен свидетелей никаких ценных сведений для следствия не дал, поэтому эксперты сосредоточились на анализе самих взрывных устройств, все осколки и сохранившиеся части которых были тщательнейшим образом собраны. Достаточно сказать, что в рамках следственных мероприятий с крыши здания Историко-архивного института, рядом с которым прогремел взрыв на Никольской улице (тогда – улице 25 Октября) был снят и растоплен весь снег, в результате чего удалось криминалистам обнаружить стрелку от будильника, использованного террористами в качестве часового устройства детонатора, которую забросило туда взрывной волной. Вот из таких, подчас микроскопических «следов» оперативникам приходилось воссоздавать объективную картину преступления.

В результате множества кропотливых экспертиз были обнаружены три информативно ценные для криминалистов обстоятельства или следа. Во-первых, были найдены остатки дорожной сумки бежевого цвета, в которой помещалось взрывное устройство. Было установлено, что материал для сумки был изготовлен в Нижнем Новгороде, тогда – Горьком, а потом в одном из аэропортов сотрудник КГБ увидел у пассажирки такую же сумку, выменял её на равнозначную и выяснил, что сумка была изготовлена в Ереване. Во-вторых, было установлено, что корпус бомбы был изготовлен из чугунной утятницы, выпущенной в Харькове на заводе лентотранспортного оборудования, и утятница эта относилась к

экспериментальной партии из 50-ти штук, имела особый цвет и состав эмали, руководство завода использовало её в качестве сувениров, как говорят сегодня, «в презентационных целях», а поэтому установить список владельцев и методом исключения среди них выявить того, от кого она попала к террористам, особого труда не составило. В-третьих, при сварке корпуса взрывного устройства использовались вещества и инструменты, доступные в то время лишь работникам предприятий оборонного комплекса, часть которых имелась и в Ереване. Вследствие этого армянская столица стала основной зоной поисков.

Однако даже эти успехи следствия не давали конкретных результатов до того момента, как 2 ноября 1977 года на Курском вокзале Москвы не был по счастливой случайности предотвращён другой теракт, точнее – счастливо удалось избежать его. До этого десять месяцев все правоохранительные органы страны работали в полную силу, но без надежды на успех, каждый день ожидая нового взрыва. Снова в бежевую дорожную сумку было помещено аналогичное по конструкции взрывное устройство, однако сумка была замечена прохожим и сдана в линейный отдел транспортной милиции. Там выяснилось, что взрыв уже должен был произойти, но «села» электрическая батарейка, питающая детонатор, который должен был привести самодельную бомбу в действие. По оставленным террористами в сумке личным вещам следствие смогло быстро выйти на двух жителей Еревана – Акопа Степаняна и Завена Багдасаряна, которые вскоре были задержаны в поезде «Москва–Ереван».

Оба террориста оказались рабочими Ереванского электромеханического завода, а сгубила их, как это часто бывает, нервозность и невнимательность к деталям, свойственная дилетантам. В сумке с бомбой Завен Багдасарян оставил синюю спортивную куртку с олимпийской нашивкой, выпущенную в Ереване, и шапку-ушанку, на подкладке которой остались его волосы. Поимка злодеев стала делом оперативной техники: на поиски брюнетов без верхней одежды с чёрными выщипанными волосами была ориентирована милиция на всех железнодорожных вокзалах и в аэропортах страны в направлении Закавказья. Вскоре в третьем вагоне поезда № 55 «Москва–Ереван» был обнаружен черноволосый молодой человек в синих спортивных брюках (от того же костюма, что и синяя куртка), но при нём не оказалось верхней одежды, документов и дорожных вещей. Это был Завен Багдасарян, ехал он вместе с Акопом Степаняном, цель поездки в Москву они объяснить внятно не смогли. Поэтому их задержали прямо в купе и этапировали в Ереван. Позже мать Степаняна опознала сумку, в которой находилась бомба, как сумку сына. Обыски на квартирах задержанных выявили другие самодельные взрывные устройства, которые конструктивно были аналогичны московским. Степанян и Багдасарян признали себя исполнителями терактов и выдали на допросах их организатора – рабочего Степана Затикяна, который сам в Москву не выезжал, но лично собирал бомбы и планировал совершение террористических актов.

Степан Затикян был хорошо известен органам государственной безопасности. В 1966 году он, будучи студентом Ереванского политехнического института, вместе с

двумя единомышленниками основал нелегальную Национальную объединённую партию Армении, которая была националистической группой, ставившей целью создание независимой Армении с включением в её состав Армянской ССР, Нагорного Карабаха, Нахичевани и восточных областей Турецкой республики, именуемых армянскими националистами «Западной Арменией». Группа развила активную подпольную деятельность, имела собственную типографию и выпускала газету «Парос» («Маяк»), но в 1968 году была обезврежена. Её организаторы и активные участники были осуждены на лишение свободы «за антисоветскую деятельность», а в 1972 года вышли на свободу. В 1975 году Затикян отказался от советского гражданства и подал документы на эмиграцию, но в этом ему было отказано. К слову, в те годы близким другом и единомышленником Затикяна был Паруйр Айрикан, в прошлом – активный участник Карабахской войны 1991-1994 гг., депутат парламента Армении, ныне – лидер националистической партии «Союз на национальное самоопределение», кандидат на пост президента Армении на выборах 18 февраля 2013 года.

По логике оперативной деятельности органов КГБ СССР, Затикян и его сообщники по Национальной объединённой партии Армении должны были в первую очередь попасть под подозрение и в разработку на предмет причастности к терактам 8 января 1977 года в Москве. Однако, как потом установило следствие, до самого последнего момента председатель КГБ Армянской ССР генерал-майор Грайр Михаелян активно препятствовал проверке версии причастности ранее осуждённых армянских националистов к подготовке и осуществлению террористических актов, за что в 1978 году поплатился должностью и службой. Собственно, это было и не удивительно, поскольку первым владельцем злополучной гусятницы, из которой был изготовлен корпус бомбы, взорвавшейся в московском метро, был директор крупнейшего ереванского универмага, обратившийся за помощью к своим друзьям-покровителям из ЦК КП и КГБ Армянской ССР. Как мы видим, армяне уже тогда предпочитали не выносить сор из своей «национальной» избы, лелея мечту образовать свой хутор на землях Союза ССР...

Процесс над террористами в Верховном суде СССР проходил с 16 по 20 января 1979 года, слушание дела было закрытым, в зале суда присутствовали только ключевые свидетели и группа кинодокументалистов, назначенная создать фильм о содержании и итогах судебного разбирательства. Акоп Степанян и Завен Багдасарян утверждали, что были запуганы Затикяном, который, сидя в заключении по делу Национальной объединённой партии Армении, окончательно «подвинулся» на идее национализма и твердил, что нужно наказать русских за угнетение армянского народа. Последнее слово во время судебного заседания Степан Затикян закончил призывом на армянском языке: «Передайте людям, что это были последние слова Степана: «Мечь, мечь и ещё раз мечь!»». 24 января все трое были признаны судом виновными и были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. 30 января Президиум Верховного совета СССР отклонил ходатайство о помиловании, и в тот же день террористы были расстреляны. Единственной информацией о суде и приговоре в центральной печати была краткая

заметка в «Известиях» от 31 января 1979 года, где упоминалась только фамилия Затикяна.

Серия взрывов 8 января 1977 года в Москве, совершённая боевиками Национальной объединённой партии Армении, шокировала тогдашнее политическое руководство СССР. Ещё бы, бомбовый терроризм – излюбленное средство дестабилизации «прогнившего» либерально-буржуазного мира, с помощью которого идейные предтечи партийных бонз из ЦК КПСС сначала расшатали имперский режим в России, а затем смогли навязать ей свою власть, был применён против них. Это ломало все тогдашние стереотипы миропонимания, согласно которым бомбисты воспринимались не иначе как «борцами за светлое будущее человечества», а террористы из итальянских «Красных бригад», германских «Фракций Красной армии» или французского «Прямого действия» пользовались моральной поддержкой политического руководства Советского Союза. Оказалось, что не только «буржуазно-политические режимы», но и сама советская власть может стать жертвой террористических атак, и у неё могут быть идейные противники, которые будут вести борьбу против советского государства и его идеологии, используя её же излюбленные методы, массовыми и беспричинными убийствами деморализуя людей. Порочный круг замкнулся: идейный террор, который ранее коммунисты и их предтечи – большевики, революционные социал-демократы и народовольцы, некогда навязали Российской империи, обернулся против них же.

Реакция государственно-политического руководства СССР на теракты 8 января 1977 года оказалась более чем жёсткой. И она касалась не только самих террористов, расстрелянных в день отклонения их кассации Верховным Судом СССР. Были предприняты системные меры, дабы избежать повторения подобных криминальных эксцессов в будущем. Так, в текст Уголовного кодекса РСФСР и аналогичные ему по содержанию кодексы иных союзных республик в составе СССР, вступивших в действие в 1978 году, впервые в советской правоохранительной практике была введена статья за терроризм как за особый состав уголовного преступления против государства. По сути, это означало, что теракт 8 января 1977 года окончательно похоронил все остатки «революционной романтики» в официальной идеологии СССР, придав ей строгие государственно-охранительные черты как и во всех иных странах «капиталистического мира». Поэтому сегодня совершенно определённо можно говорить, что после взрывов в Москве 1977 года глобальное геополитическое противостояние двух систем, во главе которых стояли СССР и США, из борьбы идеологий окончательно трансформировалось в противоборство мировых гегемоний.

К слову, серия взрывов в Москве 8 января 1977 года всего на каких-то две недели опередила принятие Советом Европы 27 января Европейской конвенции о пресечении терроризма (ЕСТ № 90). Следственные органы КГБ СССР со свойственной им дотошностью искали связь между этими двумя событиями, но установить её так и не смогли. Этот теракт пришлось воспринимать как автохтонный, т.е. как «доморощенный», а не инспирированный некими силами

извне. По сути, это стало признанием неспособности господствующей партийно-государственной идеологии активно и действенно противостоять региональному национализму и сепаратизму «национальных окраин». История с боевиками Национальной объединенной партией Армении наглядно показала, что партийно-хозяйственная элита и руководство органов государственной безопасности Армянской ССР являются коммунистами и интернационалистами только на словах, тогда как на деле смотрят сквозь пальцы и даже покрывают перед Москвой националистические настроения в своей союзной республике. Уже тогда трезвомыслящей части советской интеллигенции стало отчетливо понятно, что идеологический крах Советского Союза уже не за горами.

Справедливости ради следует отметить, что сотрудники центрального аппарата КГБ СССР в силу имеющихся у них возможностей и разумения пытались объяснить происхождение и противостоять почти легальному армянскому национализму. Так, тогдашний начальник 5-го управления КГБ СССР («по защите конституционного строя») генерал-полковник Филипп Бобков стремился увязать террористические акты 8 января 1977 года с деятельностью в те годы возникшей в Ливане Армянской секретной армии освобождения Армении (во французской аббревиатуре – ASALA), пытаясь тем самым, с одной стороны, обелить в глазах Политбюро ЦК КПСС партийно-политическое руководство Армянской ССР, с другой стороны, – подчинить своему личному влиянию КГБ республики, пост председателя которого достался Мариусу Юзбашяну, бывшему до этого начальником управления «С» (нелегальная разведка) 1-го главного управления – ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР. Однако это утверждение оказалось далеко от истины, в нём было больше отголосков внутриведомственных дрызг, конкуренции и фрондёрства, а также попыток самореабилитироваться «задним числом», нежели правды, поскольку борьба с «буржуазным национализмом» являлась непосредственной обязанностью ведомства Ф.Д. Бобкова, а оно, положа руку на сердце, по всем направлениям эту деятельность провалило. Армянский национализм, самым радикальным проявлением которого стала террористическая деятельность в Москве в 1977 году боевиков Национальной объединённой партии Армении, был явлением вполне доморощенным, можно сказать – автохтонным, который культивировался в республике под патронатом ЦК Компартии Армении.

Столь неоднозначную для профессионала органов госбезопасности реакцию генерала Бобкова можно объяснить ещё и тем, что в отношении расследования дела о террористических актах 8 января 1977 года особую активность проявили правозащитники-диссиденты, непосредственные «подопечные» 5-го управления КГБ СССР. Их первой и вполне естественной реакцией на это преступление был испуг: как бы власти не объявили их идейными вдохновителями бомбистов. Уже 12 января, на третий день после взрывов, академик Андрей Сахаров пишет параноидально-истерическое «Обращение к мировой общественности», в котором вину за случившееся возлагает на... КГБ СССР, будто советские спецслужбы специально организовали взрыв поезда метро, чтобы подвести под «расстрельную» статью всех инакомыслящих и «несогласных». Как показали дальнейшие события, ничего другого, кроме выброса адреналина, вызванного инстинктом

самосохранения, за этим документом не стояло. Но факт остаётся фактом: армянские террористы от диссидентского движения на время получили политическую «крышу».

Второй раз диссиденты подняли свой голос в защиту террористов, когда начался судебный процесс над ними, но на этот раз они руководствовались не испугом, а чувством корпоративной солидарности. Дело в том, что Степан Затикян был женат на родной сестре Паруйра Айриkyяна, известного в те годы армянского диссидента-националиста, а ныне – политического деятеля республики Армения, о котором мы писали выше и который в те годы повторно отбывал наказание в виде лишения свободы «за политику». Айриkyян вместе с Затикяном во второй половине 1960-х входил в Национальную объединённую партию Армении, и вполне вероятной была возможность того, что и его «притянут» к делу о терроризме. Спасая своего соратника по борьбе с коммунистическим режимом от возможного ухудшения условий содержания в местах лишения свободы, тогдашние советские диссиденты, по сути, приняли сторону убийц, прикрывавших свои злодеяния лозунгом о борьбе за национальную независимость Армении...

Бросая ретроспективный взгляд на события 36-летней давности, можно сделать вполне определённый вывод о том, что армянские террористы, взорвавшие поезд московского метро, нанесли самый сильный удар по государственной идеологии СССР. Они наглядно показали, что идея «пролетарского интернационализма», в верности которой публично клялись миллионы коммунистов из всех союзных республик СССР, на деле – не более чем фикция, легко убиваемая одним взрывом самодельной бомбы в вагоне столичного метрополитена. Армянский национализм, ценности и идеалы которого были донесены до политического руководства страны и массового сознания её обывателей языком террористического акта, по силе своего воздействия на умы людей оказался куда более понятным и доходчивым, чем все надуманные идеологические конструкции и штампы советского режима. Руководство СССР из ЦК КПСС побоялось сделать публичным судебный процесс над армянскими террористами и обнародовать документальный фильм, отснятый во время следствия и судебного процесса над ними, поскольку он содержал самую ёмкую и красноречивую характеристику советской власти, сформулированную идеологом Национальной объединённой партии Армении и главным обвиняемым среди террористов Степаном Затикяном: «Вы не властны меня судить, поскольку жидо-российская империя – не есть правовое государство!». Противопоставить что-либо этому хлёткому обвинению коммунистическая власть Советского Союза оказалась не в силах, поскольку кроме гробового молчания ей предложить в качестве антитезиса было нечего.

Взрыв в московском метро 8 января 1977 года стал предвозвестником целой серии ему подобных террористических актов, совершённых в «лихие» 1990-е гг. и в наступившем столетии в российской столице и иных городах нашей страны, ответственность за которые взяли на себя различного рода международные исламские террористические организации. Перечень этих злодеяний и скорбный мартиролог их жертв у всех на слуху, ежегодно 3 сентября – в день памяти жертв

терроризма – он вновь и вновь возвращается к нам, привнося в сознание скорбь и боль утраты, и пока мы испытываем эти чувства, мы продолжаем оставаться людьми. Большинство из терактов новейшего времени преследовали вполне определённую цель – запугать нацию и общество, чтобы власть, лишившись их поддержки, признала самопровозглашённую «республику Ичкерия», из-за которой в 1990-2000-х гг. на Северном Кавказе отгремели две «чеченские» войны. По сути, международные исламские террористы, творя свои злодеяния, находящиеся с точки зрения цивилизованного мира за гранью добра и зла, воодушевлялись примером, некогда поданным Степаном Затикяном и его приспешниками из Национальной объединённой партии Армении. Так замкнулся второй порочный круг: армянский национальный терроризм, возникший как реакция этого народа на былые гонения со стороны мусульман, стал в наши дни вдохновляющим примером для исламского экстремизма и взращённого на его почве религиозного терроризма. И этот круговорот человеконенавистнического насилия ещё раз доказывает, что у идейных убийц нет национальности, но есть идеология, окрашенная в национальные цвета, а поэтому для кого-то они становятся национальными героями.

Я не могу и не хочу осуждать армян за то, что они себе в качестве национальных героев выбирают террористов и убийц. Это – их право и их осознанный выбор. Быть может, в их национальной истории нет более достойных кандидатур в народные герои, ведь и в России мумия Владимира Ульянова-Ленина, принесшего столь много горя своим соотечественникам, до сих пор украшает собой главную площадь страны. Армяне слишком тщательно скрывают от остального человечества духовные истоки и основы собственного национально-религиозного менталитета, чтобы мы, все остальные люди, могли объективно судить об истинных причинах этой тенденции. Но речь, собственно, не о них, Господь им Судия...

Речь о нас, речь о нашем субъективном отношении к героизации в Армении убийц и террористов, проливших по-подлому чужую кровь во имя благой национальной идеи. Кровь не турок или азербайджанцев, с которыми у армян давние и не совсем нам, российским обывателям, понятные счёты, а кровь старших родственников современных наших сограждан – москвичей, погибших 8 января 1977 года во время взрыва вагона столичного метро. Политические лидеры России и активисты обслуживающих их политических партий всегда активно поднимают пропагандистскую шумиху, если на Украине или в странах Прибалтики чтят память своих соотечественников, воевавших против Советского Союза в годы Второй мировой войны, любят порассуждать о причинах исламского терроризма, но при этом почему-то хранят солидарное молчание, когда речь заходит о памяти жертв аналогичного преступления, совершённого армянскими националистами против граждан СССР. Парадоксально, но факт: в современной России жертвы теракта 8 января 1977 года официально не поминаются в День памяти жертв терроризма, хотя таковыми де-юре и де-факто являются, будто для официальных лиц, священнослужителей, общественных деятелей, подвизающихся ныне на этом информационном поле, армянские террористы всё-таки ближе и роднее, чем их

аналоги по кровавому ремеслу и антиподы по идеологии из исламских радикальных сект. И пока такая ситуация будет продолжаться, вряд ли можно будет рассчитывать не только на окончательную победу над международным терроризмом, но даже на сколько-нибудь успешное противодействие ему на идеологическом фронте.

В современной России, к сожалению, все ещё крайне высок уровень общественной толерантности к идеологии терроризма, как бы ни пытались доказывать обратное политики и официальные лица. И это, собственно, не удивительно, потому что современные люди, кто сегодня старше сорока, все объективно вышли «из советского прошлого», для которого был свойственен сугубый пиетет перед бомбистами-террористами и цареубийцами, руками которых в России была свергнута империя и насаждена советская власть, а память о них в народном сознании увековечивалась в названиях улиц, площадей, переулков и станций метро. Москва в начале 1990-х постаралась очистить себя от топонимов с именами и фамилиями революционеров-террористов и названиями их организаций, немало досаждавших всему остальному миру. С карты российской столицы исчезли имена Свердлова, Каляева, Воровского, Урицкого, Ногина и других деятелей Коминтерна, повинных в убийствах членов царской фамилии, расстрелах тысяч офицеров и юнкеров, дворян и священнослужителей, гибели миллионов наших сограждан. Но по-прежнему в столичном метро есть станция, носящая имя убийцы Царской семьи Войкова, а в масштабах всей России подобной топонимической люстрации и катарсиса и вовсе, можно сказать, не произошло: в Орле все ещё имеется улица МОПРа, названная так в честь Международного общества помощи революции, а один из районов области носит имя известнейшего палача, руководителя ЧК Урицкого. Улицы имени Халтурина, организатора взрыва в Зимнем дворце в 1880 году, есть в Ижевске, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Уфе; улица имени Каракозова, в память организатора неудавшегося покушения на императора Александра II в 1866 году, есть в Туле. И список этот можно продолжать ещё очень долго... А потом мы ещё удивляемся, откуда в России берутся политические экстремисты и террористы? Они приходят в нашу жизнь с наших же улиц, которые в своих названиях хранят имена убийц во имя идеи насильственного переустройства мира, как казнённых, так и сорвавшихся с виселицы. И пока всё это будет продолжаться, согласие и мир не найдут себе места в наших душах, сердцах и умах...

Важнейшим условием эффективной борьбы с терроризмом, залогом предотвращения большинства террористических актов может стать полная и однозначная невосприимчивость общества к любым проявлениям терроризма, какое бы идеологическое прикрытие для него не использовалось – национальное, религиозное или политическое, в какой бы исторической эпохе акт терроризма не произошёл. Не должно и не может быть различий между убийством детей императора Николая II в Екатеринбурге в 1918 году и убийством детей в осетинском Беслане в 2004 году, не могут честно и добродетельно поминаться жертвы террористических актов в московском метро, погибшие от рук исламских террористов в 1996-2010 гг., в то время как замалчиваются сам факт и имена жертв

террористического акта 8 января 1977 года, осуществлённого армянскими националистами. Подобная избирательность памяти общества и государства является или формой политической беспринципности, или же первым симптомом идеологического маразма – тех качеств, которые ни одна уважающая себя нация, ни одна ответственная власть в мире позволить себе по определению не может. При условии, конечно же, если страна, в которой эта нация живёт и эта власть функционирует, не является чьей-то «банановой республикой».

Общественное сознание граждан России нуждается, говоря языком медицинской науки, в активной терапевтической санации от равнодушия к терроризму, результатом которой должна стать абсолютная невосприимчивость идеологии и фактических проявлений любого антигосударственного насилия, под какими бы лозунгами они не маскировались. Основой для этого должна стать единая шкала официальных оценок однотипных событий и личностей во все временные периоды – в прошлом, будущем и настоящем. Конечно, для этого нам придётся пересмотреть некоторые оценки исторических событий и персонажей, дать их деяниям соответствующую дню сегодняшнему правовую квалификацию и нравственную дефиницию. И тогда с улиц российских городов окончательно уйдут и канут во тьму веков (где им, собственно, и положено быть) имена царевубийц и революционных террористов, их деяния на страницах учёных книг и школьных учебников по истории будут называться не стыдливо «экспроприациями» и «революциями», а вполне определённо «грабежами», «убийствами», «государственной изменой», «террором».

Мы не будем одиноки в такой переоценке своей национальной и государственной истории: в истории человеческой цивилизации есть несколько примеров, когда целые нации, собрав в кулак волю, находили в себе мужество назвать отдельные периоды собственного прошлого тем, чем они были на самом деле. Речь идёт не о Германии или Италии, Венгрии или Словакии, которые публично отреклись от наследия десятилетий господства фашизма и национал-социализма. По большому счёту они были принуждены к этому, и ничего другого им не оставалось. В качестве примера катарсиса национальной исторической памяти я хотел бы привести Великобританию, перед которой в своё время очень остро стоял вопрос о нравственной оценке периода правления Оливера Кромвеля. Прах Кромвеля после его смерти был извлечён из могилы, сожжён и развеян, несмотря на все его заслуги перед страной по прекращению гражданской войны и колониальному захвату Ирландии. Убийце короля и тирану не нашлось места в британской земле, хотя он навсегда остался в её истории. Примерно так должно обстоять дело и с некоторыми персонажами Российской истории XIX и XX веков, чьи имена связаны с революционным или политическим терроризмом.

Это будет не только акт нравственного очищения общества, но и вполне конкретная практическая мера по сохранению политической стабильности в стране и обеспечению её государственной безопасности. Нынешние политические экстремисты типа Удальцова, Развозжаева и иже с ними лишатся ореола последователей революционных творцов нового миропорядка и превратятся в тех,

кем они являются на самом деле – в уличных дебоширов и психопатов, которым не должно быть места ни в отечественной истории, ни в нынешней политической действительности.

И последнее. 18 февраля в Армении пройдут президентские выборы, в которых одним из претендентов на пост главы государства будет Паруйр Айриkyан, единомышленник, соратник, друг и ближайший родственник Степана Затикяна, на совести которого жизнь семерых и кровь ещё 37-ми граждан Советского Союза, трагедия которых заключалась в том, что они оказались не в то время и не в том месте. Найдёт ли в себе силы господин Айриkyан взять на себя грех за содеянное своим шурином, как сделал это недавно римский папа Бенедикт XVI, признав ответственность римско-католической церкви за злодеяния Инквизиции. Извинится ли при нём Армения перед Россией за горе, причинённое её гражданам 8 января 1977 года?

Народ Армении в преддверие президентских выборов должен отдавать себе отчёт в том, за кого он будет голосовать 18 февраля. Избрание Паруйра Айриkyана президентом страны, если оно, конечно, состоится, поставит под вопрос дальнейшее сохранение традиционно дружественных российско-армянских отношений, поскольку каждый здравомыслящий человек понимает, что политик, являющийся на протяжении четырёх с половиной десятилетий откровенным националистом и считавший все эти годы русский народ угнетателем армян, не может в одночасье стать искренним другом Российской Федерации. Кроме того, подобный исход выборов даст в руки Азербайджана дополнительный козырь в его идеологической и дипломатической борьбе за возвращение себе земель Арцаха: дескать, президентом Армении стал бывший идейный вдохновитель самых первых в новейшей политической истории Закавказья армянских террористов, а поэтому любые переговоры о нагорно-карабахском урегулировании, пока П.Айриkyан является главой армянского государства, нелегитимны. Избрание Айриkyана на пост президента – это самый худший из потенциально возможных по своим внешнеполитическим последствиям результат выборов 18 февраля для Армении, её добровольное самоубийство перед лицом международного сообщества. Паруйр Айриkyан никогда не станет для армянского народа ни Нельсоном Манделой, ни Ясиром Арафатом: он слишком агрессивен, чтобы соответствовать первому из этих деятелей с мировым именем, и слишком неврастеничен, чтобы быть вторым. В сознании миллионов людей он так и останется идеологом политического терроризма и националистического экстремизма, чего в России сильно не любят.

P.S. Российское законодательство о противодействии терроризму нуждается в дальнейшем совершенствовании через принятие новых норм, однозначно запрещающих любые интерпретации и публичные оценки преступлений террористической направленности, за исключением тех, которые официально были даны судом во вступивших в законную силу приговорах. Это будет означать, что никто впредь не сможет безнаказанно называть убийц и террористов «борцами за

национальную (или религиозную) идею», «приверженцами радикального ислама», «национальными героями» или «борцами за демократию и социальный прогресс». В современном российском обществе не может и не должно существовать возможности для оправдания злодеев, посягнувших на чужую жизнь из идеологических соображений. Их следует называть предельно честно и конкретно – террористами и убийцами.

Чтобы процесс отторжения обществом идей терроризма происходил более легко и естественно, необходимо в законодательном порядке обязать муниципалитеты переименовать все географические объекты и топонимические названия, хранящие в себе память о революционных боевиках и террористах, имена которых попали в наименования населённых пунктов и улиц в советское время в память их участия в совершении преступлений против государственной власти и порядка управления Российской империи. Аналогичным образом следует поступить с именами тех деятелей «мирового коммунистического движения», кто так или иначе участвовал в совершении преступлений террористической направленности против других стран.

Чтобы убедить весь мир в серьёзности своих намерений противодействовать деятельности носителей антироссийской идеологии, органам государственной власти следует расширить действие федерального закона от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», более известного как «закон Димы Яковлева», на всех иностранных граждан, а не только на одних граждан США, и в первую очередь – на официальных лиц и общественных деятелей республики Армения, а также на лиц, имеющих двойное – армянское и российское – гражданство, если они публично не осудят террористический акт, совершённый боевиками Национальной объединённой партии Армении 8 января 1977 года от имени своего государства, возглавляемой ими политической или общественной организации или от себя лично.

В истории России не так много примеров, чтобы преступники, совершившие на её территории одно из самых чудовищных преступлений – террористический акт, считались за это на своей исторической родине национальными героями. Степан Затикян, Акоп Степанян и Завен Багдасарян таковыми в современной Армении считаются. Россия и Москва вправе потребовать от Еревана публичных извинений при вступлении в должность вновь избранного армянского президента, и в зависимости от того, будут ли им они принесены, далее строить отношения между странами. У России достаточно рычагов воздействия на Армению и бизнес армянской диаспоры на своей территории, чтобы извинения были принесены, но хотелось бы, что армянская сторона сделала это по собственной доброй воле.